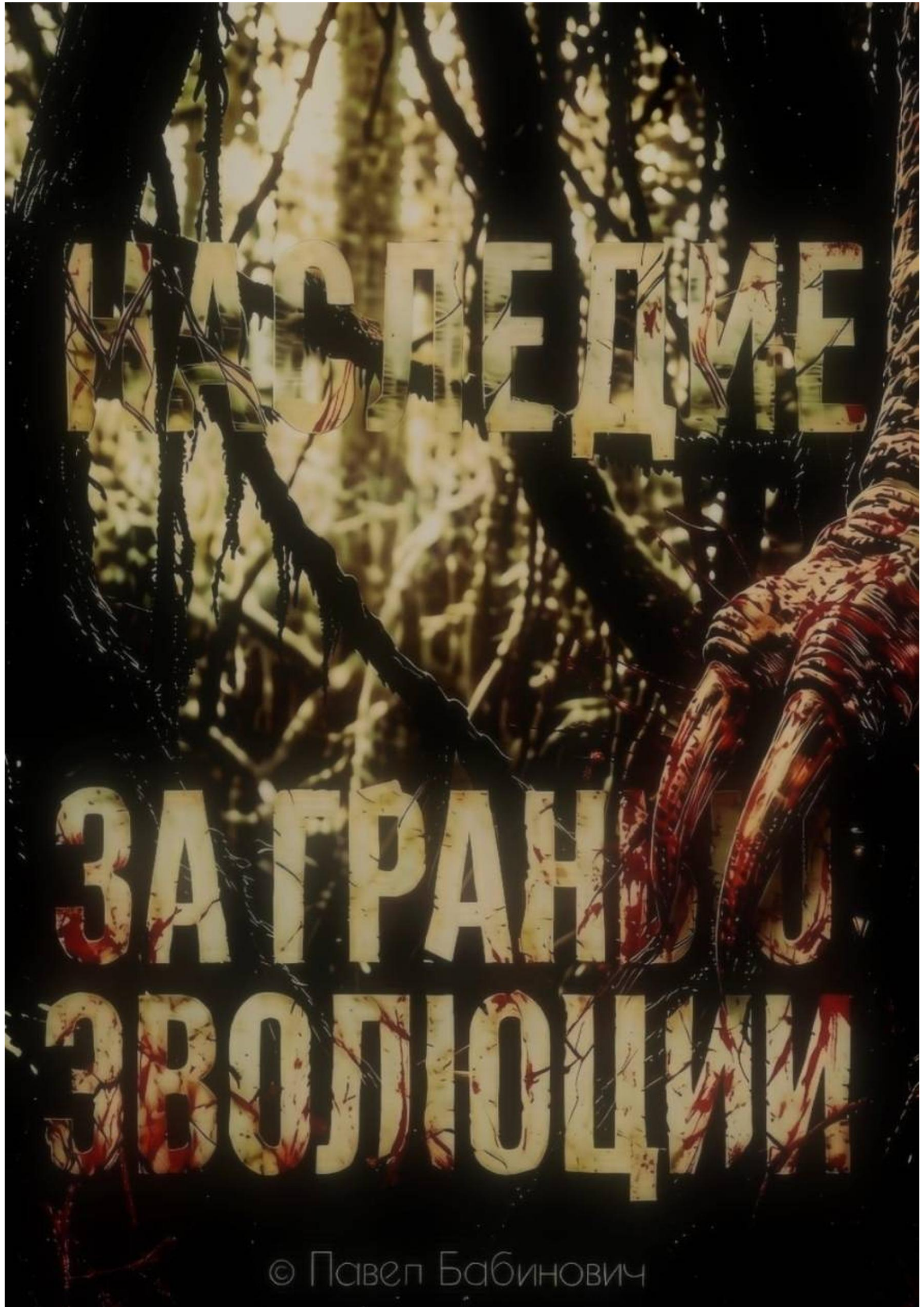

НАСЛЕДІЄ

ЗА ГРАНИ

ЕВОЛЮЦІЇ

© Павел Бабинович

Павел Бабинович

За гранью эволюции: наследие

«Автор»

2026

Бабинович П. А.

За гранью эволюции: наследие / П. А. Бабинович — «Автор»,
2026

Полгода прошло с тех пор, как остров «Эребус» стал братской могилой. Франк пытался забыть. Не получилось. Динозавры выжили. Они размножаются. Они адаптировались. Они стали экосистемой. А корпорация «Феникс» — теперь «АварSok» — хочет их уничтожить. Взорвать остров. Стереть память. Забыть всё. Франк собирает команду: ветеринар Эван, геолог Йен, охотник Морти, военный Перси. Они летят на остров, чтобы спасти то, что осталось. Но спасать придётся не только динозавров. Саманта Винстон, дочь Шелдона, уже там. Одна. Среди хищников. Среди смерти. Среди жизни. А где-то рядом — Кейн Родс. Человек, который говорит, что хочет сохранить остров. Человек, который лжёт. Человек, который использует всех. Шесть дней. Один остров. Две корпорации. И одна маленькая надежда — что динозавры имеют право на жизнь. Даже если мы их создали. Даже если мы их боимся. Даже если мы хотим их убить.

© Бабинович П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Павел Бабинович
За гранью эволюции: наследие

Глава

Глава 1

Пролог. Пепел

Часть I. Суд

Здание суда пахло старой бумагой, кофе и хлоркой. Франк сидел на жёсткой скамье из светлого пластика, сжимая в руках папку с документами — триста страниц, которые он собирал восемь месяцев. Восемь месяцев. Триста страниц. И одна маленькая надежда, которая таяла с каждым заседанием.

Адвокат корпорации «Феникс» был высоким, седым, с идеальной осанкой и голосом, от которого хотелось закрыть глаза. Он говорил медленно, тщательно подбирая слова, будто каждое из них было завёрнуто в бархат. Он не обвинял. Он не кричал. Он просто объяснял — мягко, почти по-отечески, — что проект «Эребус» был законным научным исследованием. Что все риски были документально зафиксированы. Что пострадавшие подписали согласие. Что смерти — трагическая случайность, а не преступление.

Франк слушал и чувствовал, как что-то внутри него сжимается в тугий комок. Он хотел встать. Хотел закричать. Хотел швырнуть папку в это идеальное седое лицо. Но он сидел. Потому что знал: крик — это слабость. А слабость здесь не работает.

Судья — женщина лет пятидесяти, с усталыми глазами и плотно сжатыми губами, — задавала вопросы. Немного. По делу. Без эмоций. Она смотрела на Франка так, будто он был не свидетелем трагедии, а рядовым истцом в бесконечной череде дел о корпоративной халатности. Ещё одним человеком, который потерял друзей и хочет компенсации.

Когда Франк говорил — а он говорил три раза, — его голос дрожал. Не от страха. От ярости. Он рассказывал о трещинах в бетоне. О сломанных датчиках. О людях, которые умирали, потому что система была построена на лжи. Он рассказывал о Декстере, который знал и предупреждал. О Лу, которая любила своих созданий и не могла их спасти. О Шелдоне, который говорил «всё есть товар» и умер, спасая Лору.

Адвокат «Феникса» слушал, кивал и записывал. А потом задал один вопрос:

— Мистер Франк, вы утверждаете, что корпорация знала о рисках. У вас есть документальные доказательства?

Франк открыл папку. Триста страниц. Отчёты. Схемы. Протоколы вскрытий. Внутренняя переписка. Всё, что он собрал. Всё, что вырвал из архива. Всё, что вынес из огня.

Адвокат посмотрел на бумаги. Пролистал. Улыбнулся — вежливо, холодно, — и сказал:

— Эти документы не имеют юридической силы. Они получены незаконным путём. Мы ходатайствуем об исключении их из дела.

Судья кивнула.

Франк закрыл папку. Медленно. Аккуратно. И понял: он проиграл. Не сегодня. Давно. Ещё тогда, когда поверил, что правда имеет значение.

Часть II. Саманта

Она появилась в коридоре суда — рыжая, в сером пальто, с папкой под мышкой. Франк заметил её сразу. Не потому что она была красивой. А потому что она была спокойной. Слишком спокойной. Так спокойны люди, которые уже всё потеряли и знают, что терять больше нечего.

Она подошла к нему. Остановилась. Посмотрела прямо. Зелёные глаза. Холодные. Внимательные. Она не улыбнулась. Не протянула руку. Просто сказала:

— Вы Франк. Тот, который был на острове.

Он кивнул.

— Я Саманта Винстон. Дочь Шелдона Винстона.

Франк почувствовал, как земля уходит из-под ног. Шелдон. Циник. Алкоголик. Человек, который говорил «всё есть товар». Человек, который умер, спасая Лору.

— Мне жаль, — сказал Франк. Это было глупо. Он знал. Но ничего другого не придумал.

Саманта не заплакала. Не отвернулась. Не стала смотреть в глаза. Она просто поправила волосы — рыжие, короткие, растрёпанные ветром, — и сказала:

— Не надо. Я знала, кем он был. Я знала, что он делал. Я просто хочу знать, как он умер.

Франк рассказал. Всё. Про остров. Про тьму. Про крики. Про то, как Шелдон остался, чтобы Лора успела убежать. Про то, как ютарапторы рвали его — а он не кричал. Только один раз. В самом конце.

Саманта слушала. Молча. Не перебивала. Когда он закончил, она кивнула и сказала:

— Он не был хорошим отцом. Он бил маму. Он пил. Он ушёл, когда мне было двенадцать. Но он умер за кого-то. Это больше, чем я ожидала.

Она замолчала. Потом добавила:

— Я эколог. Я хочу спасти то, что он продавал. Не ради него. Ради них.

Франк посмотрел на неё. И впервые за долгое время почувствовал что-то, похожее на надежду. Или на её тень.

Часть III. Тишина

Конор не отвечал на звонки. Франк звонил ему шесть раз. Семь. Восемь. Гудки. Долгие. Тягучие. Потом — сброс. Потом — «абонент недоступен». Потом — тишина.

Он написал ему. Длинное письмо. Про суд. Про Саманту. Про то, что остров всё ещё там. Что динозавры всё ещё живы. Что кто-то должен что-то сделать. Ответа не было.

Лора и Эван открыли фонд. «Грань» — так они его называли. Фонд защиты вымирающих видов. Они боролись. Они говорили. Они писали статьи. Они давали интервью. Но когда Франк позвонил и спросил про динозавров, Лора замолчала. Долго. Потом сказала:

— Я больше не могу. Прости.

Эван взял трубку. Его голос был ровным, но в нём слышалась сталь:

— Она не будет говорить об этом. Никогда. Понял?

Франк понял. Он не обиделся. Он знал, что такое ПТСР. Он видел, как Лора смотрит в стену. Как её руки дрожат. Как она просыпается от криков, которых нет. Он не мог её винить. Но он остался один.

Часть IV. Остров

На острове «Эребус» шёл дождь. Он шёл уже полгода — то стихая, то усиливаясь, — и джунгли превратились в мокрое, тёмное, живое месиво. Комплекс стоял пустой. Вольеры — открытые. Ограждения — мёртвые. Только ветер гулял по коридорам, и где-то в глубине, в темноте, двигались тени.

Динозавры выжили. Не все. Многие умерли — от болезней, от голода, от ран. Но те, кто остался, — адаптировались. Они учились. Они охотились. Они прятались. И они размножались.

Франк узнал об этом от дрона. Он запускал его каждые две недели — с материка, с лодки, с берега. Дрон летал над островом, снимал, передавал. И на записях Франк видел то, чего не должно было быть.

Галлимимы. Они сбились в стаю. Пять взрослых. Три детёныша. Маленькие, покрытые пухом, с длинными ногами и любопытными глазами. Они бегали вокруг взрослых, спотыкались, падали, вставали. Они играли.

Паразауролофы. Три самки. Один самец. Гребни — ярко-оранжевые. Они ходили вдоль реки. Пили воду. Ели листья. И рядом с ними — детёныш. Один. Крошечный. Слишком маленький для своего вида. Но живой.

Франк смотрел на записи и не мог поверить. Он знал, что размножение в неволе — это одно. Но на свободе? Без контроля? Без селекции? Без людей?

Он пересматривал записи снова и снова. И понимал: динозавры не просто выжили. Они стали экосистемой. Они нашли своё место. Они делали то, чего не делали в вольерах, — они жили.

Часть V. Сара

Сара Кондр умерла в ноябре. Не от старости. Не от рака. От неизвестной болезни. Врачи разводили руками. Говорили о вирусе. О мутации. О чём-то, что пришло из джунглей. Франк приехал в больницу за день до её смерти.

Она лежала в палате — маленькой, белой, стерильной. Её лицо осунулось. Глаза впали. Но она улыбнулась, когда увидела его. Слабо. Едва заметно.

— Ты всё ещё борешься? — спросила она.

— Да, — ответил он.

— Хорошо. Не останавливайся.

Она закрыла глаза. И больше не открыла.

Франк вышел из больницы. Сел в машину. Долго сидел, глядя в лобовое стекло. Дождь стучал по крыше. Мимо шли люди. Смеялись. Говорили по телефону. Жили.

А он думал: «Я устал. Я больше не могу. Я не хочу».

Он вернулся домой. Открыл ноутбук. Посмотрел на папку с документами. Триста страниц. Восемь месяцев работы. И одна маленькая надежда, которая давно умерла.

Он закрыл ноутбук. Лёг на диван. Закрыл глаза.

И тут зазвонил телефон. Номер незнакомый. Франк хотел сбросить. Но что-то заставило его ответить.

— Аллю.

— Франк? — голос был женским. Молодым. Знакомым. — Это Саманта. Мне нужно тебе кое-что показать.

Часть VI. Что дальше

Франк открыл глаза. Посмотрел в потолок. Потом на телефон. Потом на окно, за которым шёл дождь.

Он устал. Он больше не хотел бороться. Но где-то глубоко внутри — там, где ещё оставался тот наивный студент, который верил в науку, в людей, в правду, — что-то шевельнулось.

Он встал. Взял куртку. Взял ключи.

И вышел в дождь.

Продолжение следует...

Глава 2

Глава 1. Пепел и вафли

Часть I. Звонок

Телефон зазвонил в шесть утра.

Это был не звонок. Это был скрежет. Механический, рваный визг, который вгрызался в барабанные перепонки, как ржавая пила. Франк лежал на продавленном диване, укрывшись старым пледом, который пах не просто пылью — он смердел застарелым, концентрированным одиночеством, мочой и гнилью. Он не спал. Сон был роскошью, которую его нервная система давно аннулировала. Он просто лежал, глядя в потолок, на котором расплывались тёмные, пульсирующие пятна от протечек. Причудливые, похожие на карты несуществующих островов, они медленно ползли по штукатурке, пожирая её. Дождь стучал по ржавой крыше — ровно, методично, как метроном, отсчитывающий часы его никчёмной, выброшенной на свалку жизни. Капли падали в жестяное ведро, которое он забыл вынести еще в прошлом месяце, и каждая капля звучала не как вода. Это был удар молотка по гробовой крышке. *Тук. Тук. Тук.* Забивают гвозди. В его собственный гроб.

Он не вставал. Не было смысла. Смысл сгнил вместе с его прошлым.

Телефон продолжал визжать. Настойчиво. Резко. Раздражающе. Как скальпель, вскрывающий черепную коробку. Кто-то там, на другом конце провода, знал, что он не спит. Кто-то ждал, что он ответит. Кто-то хотел что-то от него. Но что? Что можно хотеть от человека, который давно перестал быть человеком? Который был просто ходячим гнойником, нарывом на теле реальности?

— Алло, — прохрипел он в трубку. Голос был похож на звук, с которым скребут по наждачной бумаге.

— Франк? — голос был мужским. Молодым. Незнакомым. Чистым. В этой чистоте было что-то оскорбительное, стерильное. В нем не было хрипоты. Не было усталости. Не было смерти.

— Кто это? — Франк сел, прижимая телефон к уху так, словно хотел раздавить пластик.

— Меня зовут Кейн Родс. Я работаю с корпорацией «Феникс». Нам нужно встретиться.

Франк хотел сбросить. Его палец уже занесся над красной кнопкой, готовый прервать этот поток лжи. Он сбрасывал такие звонки уже полгода. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней. Четыре тысячи триста двадцать часов. Журналисты, жаждущие крови. Юристы, ищущие лазейки. Сочувствующие лицемеры. Психотерапевты, пытающиеся продать ему индульгенцию. Все они хотели одного и того же. Все хотели услышать историю, которую он рассказывал сотни раз. Тысячи раз. Пока не перестал. Пока не понял: это бесполезно. Никто не слушает. Никто не слышит. Никто не хочет знать правду, потому что правда — это гной, это вонь, это невыносимая тяжесть. Они хотят сенсацию. Они хотят шоу. Они хотят зрелище, от которого можно отойти в сторону, вытереть руки салфеткой и пойти пить латте. А он — он был просто свиде-

телем. Просто выжившим. Просто мальчиком для битья, на котором корпоративные псы срывали злость.

Но что-то в голосе этого Кейна заставило его замереть. Не страх. Не удивление. Что-то другое. Что-то, что он давно не чувствовал. Надежду? Нет. Надежда умерла. Она сгнила первой, еще на том проклятом острове. Может быть, интерес? Может быть, любопытство? Или просто тупое, животное желание услышать что-то новое, что-то, что разорвет эту бесконечную, давящую тишину?

— Я не даю интервью, — сказал Франк. Его голос был хриплым, слабым, как у старика, умирающего от чахотки в подвале.

— Это не интервью, — отрезал Кейн. В его тоне не было ни капли сомнения. — Это про остров. Про то, что там сейчас. И про то, что с ним собираются сделать.

Франк молчал. Сердце, которое, казалось, давно превратилось в кусок мертвого, окаменевшего мяса, вдруг дернулось. Оно билось где-то в горле, мешая дышать. Остров. Он не думал о нем. Он пытался забыть. Он пытался выжечь его из памяти кислотой, залить спиртом, вырезать ножом. Но остров не забывал его. Остров приходил каждую ночь. В кошмарах. В криках. В крови, которая заливала его легкие. Он был везде. В каждом углу этой убогой квартиры. В каждой тени. В каждом вздохе. Остров был частью его. И он это знал. И ненавидел это. И не мог ничего сделать.

— Кафе «Якорь», на набережной, — сказал Кейн. — Через час.

— Я не приду, — бросил Франк, но его рука не нажала на отбой.

— Придешь, — голос Кейна стал тише, интимнее, опаснее. — Потому что тебе не всё равно. Даже если ты убеждаешь себя в обратном. Даже если ты готов сдохнуть в этой конуре, лишь бы не признавать, что внутри еще что-то шевелится.

Гудки. Короткие, злые, обрывистые. Франк отнял телефон от уха. Посмотрел на экран. Номер незнакомый, скрытый. Он хотел удалить его. Хотел разбить телефон об стену. Хотел снова лечь. Снова смотреть в потолок. Снова ждать. Снова умирать. Но вместо этого он встал. Суставы хрустнули, как сухие ветки. Пошел в ванную. Посмотрел на себя в зеркало, покрытое сеткой трещин.

Он постарел. За полгода — на десять лет. Может, на двадцать. На все пятьдесят. Глаза впали, окруженные черными, трупными кругами. Щёки осунулись, обнажив острые скулы. На лбу — глубокие, резкие морщины, которых раньше не было. На висках — седина. Настоящая. Не благородная. Не красивая. Усталая. Как у человека, который слишком много видел. Слишком много потерял. Слишком много помнит. Он выглядел как бродяга, как труп, который забыли похоронить. Как человек, который давно перестал следить за собой. Потому что перестал. Потому что не видел смысла. Потому что не хотел. Потому что не мог смотреть на это лицо без желания разбить зеркало.

Он оделся. Натянул на себя нестираную черную куртку, от которой несло сыростью. Взял ключи. Вышел, не запев дверь. Замки в этом районе были лишь декорацией.

Часть II. Дом и город

Франк жил в маленькой квартире на окраине города, в районе, который застройщики обходили стороной, а полиция — объезжала. Дом был старым — серым, с облупившейся краской, свисающей лохмотьями, и ржавыми балконами, готовыми рухнуть в любой момент. Лифт не работал уже год. Может, два. Франк поднимался пешком — на пятый этаж, каждый раз задыхаясь, каждый раз проклиная всё на свете, чувствуя, как легкие рвутся от ржавой пыли. Каждый раз обещая себе, что переедет. Каждый раз не переезжая. Потому что не было сил. Потому что не было денег. Потому что не было ничего. Пустота.

Квартира была маленькой. Одна комната, служившая и спальней, и склепом. Кухня. Ванная. На стенах — ничего. Ни картин. Ни фотографий. Ни жизни. Только плесень, расползающаяся черными грибами в углах. На столе — бумаги. Отчёты. Схемы. Протоколы вскрытий. Всё, что он собрал. Всё, что вырвал из архива зубами. Всё, что вынес из огня, рискуя сгореть заживо. Всё, что стоило ему жизни. На полу — пустые бутылки из-под дешевого виски, выстроившиеся в ряд, как надгробия. Он не пил. Почти. Но иногда — когда становилось слишком тихо — он открывал новую бутылку и смотрел в стену, пока алкоголь не выжигал ему мозг, пока не засыпал. Потому что тишина была хуже. Тишина была страшнее. Тишина была смертью, которая уже наступила, но забыла забрать тело.

Он вышел на улицу. Город встретил его серым, свинцовым небом и мокрым, чавкающим под ногами асфальтом, в лужах которого отражались гнилые неоновые вывески. Люди шли мимо — быстрые, занятые, живые. Они не смотрели на него. Они не знали, кто он. Они не знали, что он видел. Они не знали, что он потерял. Они просто шли. Просто жили. Просто жрали, трахались и спали. А он — он стоял. Смотрел. Ждал. Чего? Он не знал. Может, смерти. Может, жизни. Может, чего-то среднего. Может, ничего.

Франк шёл по улице и чувствовал, как что-то внутри него сжимается. Холодная, скользкая змея сворачивалась в желудке. Он не хотел идти. Он не хотел говорить. Он не хотел вспоминать. Но он шёл. Ноги сами несли его к набережной. Потому что Кейн был прав. Ему не всё равно. Даже если он убеждал себя в обратном. Даже если он хотел, чтобы было всё равно. Даже если он молился, чтобы было всё равно. Не было. И он это знал. И ненавидел это. И не мог ничего сделать.

Мимо прошла женщина с ребёнком. Мальчик лет пяти. Смеялся. Его смех был резким, как звук рвущейся ткани. Он тянул мать за руку, пачкая её пальто грязными варежками. Показывал на что-то. На птицу. На облако. На жизнь. Франк посмотрел на него. На мгновение. И почувствовал — что-то. Что-то, что он давно не чувствовал. Боль. Настоящую. Глубокую, рвущую внутренности. Он хотел ребёнка. Когда-то. С Лорой? Нет, с Лорой он бы просто спился быстрее. С кем-то другим. С кем-то, кого он не встретил. С кем-то, кого он не заслужил. С кем-то, кто мог бы быть. Но не был. И уже не будет. Потому что он — Франк. Потому что он — тот, кто выжил. Потому что он — тот, кто помнит. И никто не хочет помнить вместе с ним. Никто не хочет делить этот радиоактивный груз.

Он пошёл дальше. К набережной. К кафе. К Кейну. К правде. К смерти.

Часть III. Кафе

Кафе «Якорь» стояло на набережной — маленькое, старое, пропахшее вековой сыростью и тухлой рыбой. С деревянными столами, липкими на ощупь, и видом на серую, мертвую воду, в которой плавал городской мусор. Франк вошёл. Внутри пахло пережженным кофе, корицей и гнилью. Людей было мало. Только пара стариков у окна, похожих на высохшие мумии, которые о чем-то беззвучно спорили. И мужчина за дальним столиком.

Он был молодым — лет двадцати пяти, может, двадцати семи. Высоким. Худым. С тёмными волосами, зачёсанными назад с такой идеальной, тошнотворной гладкостью, что они казались лакированными. И внимательными серыми глазами. На нём был простой чёрный свитер и джинсы. Ничего лишнего. Ничего, что выдавало бы его принадлежность к корпорации. Но что-то в нём было. Что-то, что заставило Франка напрячься. Может, спокойствие. Может, уверенность. Может, то, как он смотрел. Как будто знал что-то, чего не знали другие. Как будто ждал чего-то. Как будто готовился к выстрелу.

Франк подошел. Сел напротив. Дерево стула скрипнуло под его весом. Не протянул руку. Не улыбнулся. Он смотрел на Кейна как на насекомое, которое нужно раздавить.

— Кейн?

— Да. Спасибо, что пришёл.

— Я пришёл не ради тебя, — Франк положил руки на стол. Пальцы дрожали. — Я пришёл ради острова. Говори. Быстро. У меня нет времени на твою корпоративную муть.

Кейн кивнул. Он не обиделся. Он вообще выглядел так, будто его сложно обидеть. Он был спокойным. Слишком спокойным. Так спокойны люди, которые знают что-то, чего не знают другие. Так спокойны люди, которые уже приняли решение нажать на кнопку. Так спокойны люди, которые уже видели смерть и трахнули её в задницу.

— Корпорация «Феникс» приняла решение, — сказал он. Голос был ровным, лишенным эмоций. — Остров будет уничтожен.

Франк молчал. Он ждал. Он знал, что это не всё. Это никогда не бывает всё.

— Через шесть дней. Они отправят команду. Заложат заряды. И взорвут всё. Комплекс. Вольеры. Динозавров. Всё. Стерилизуют площадку. Построят там элитный жилой комплекс с видом на закат.

Франк откинулся на спинку стула. Стул опасно качнулся. Он посмотрел в окно. На серую воду. На чаек, которые кричали где-то вдалеке, как стервятники. На жизнь, которая продолжалась. Назло. Вопреки. Как всегда. Как плевок в лицо.

— И что? — сказал он. Голос был пустым. — Мне-то что? Пусть взрывают. Пусть сдохнут. Мне плевать.

Кейн посмотрел на него. Внимательно. Долго. Изучающе. Как патологоанатом смотрит на свежий труп. Как будто видел его насквозь. Как будто знал каждую его мысль. Каждое его сомнение. Каждый его страх. Каждую эрекцию, которую он когда-то испытывал рядом с Самантой.

— Ты не хочешь, чтобы они умерли.

— Я не хочу ничего, — огрызнулся Франк. — Я устал. Я боролся. Я проиграл. Пусть взрывают. Пусть сровняют это место с землей. Я куплю билет и буду смотреть на фейерверк.

— А Саманта?

Франк замер. Слово ударило его под дых, выбив воздух из легких. Саманта. Дочь Шелдона. Девушка, которая не плакала, даже когда хоронила отца. Девушка, которая хотела спасти то, что её отец продавал, предавал и уничтожал. Девушка, которая была рядом. Которая помогала. Которая верила в него, когда он сам в себя не верил. Девушка, которая была — жизнью. Настоящей. Живой. Его. Его якорем в этом дерьме.

— Она будет против, — тихо сказал Франк. Слишком тихо.

— Да. Она будет против. Она уже против. Она ищет способ остановить их, обивает пороги, подает иски. Но она одна. А ты — нет.

Франк молчал. Он думал о Саманте. О её зелёных глазах, в которых всегда плясали чертики. О её рыжих волосах, которые пахли дождем. О том, как она поправила их, когда узнала о смерти отца — просто заправила прядь за ухо, и только костяшки пальцев побелели. О том, как она сказала: «Я хочу спасти то, что он продавал». О том, как она смотрела на него. Как будто он был чем-то. Как будто он был кем-то. Как будто он был нужен.

— Почему корпорация хочет их убить? — спросил он, хотя ответ знал. Знал слишком хорошо.

— Потому что они боятся, — Кейн наклонился чуть ближе. — Динозавры выжили. Они размножаются. Они адаптируются. Они становятся экосистемой. А корпорация не может это контролировать. И не может это скрыть от акционеров. Значит — надо уничтожить. Стереть. Исправить бухгалтерскую ошибку.

— А Маркус?

Кейн замолчал. Впервые за всё время. Он посмотрел в сторону, на грязное окно. Потом снова на Франка. Его взгляд стал тяжелее.

— Маркус Вейл жив. Он сбежал с острова ещё до того, как всё началось. За день до катастрофы. Он знал, что будет. И не хотел участвовать в собственном провале. Он не приходил на суд. Он не давал показаний. Он просто исчез. Растворился.

— Где он сейчас?

— Здесь. В городе. Он следит за тобой. Он следит за всеми, кто остался в живых. Он не хочет, чтобы остров взорвали — это ударит по его эго. Но он не хочет и помогать. Он просто... наблюдает. Как паук в центре паутины.

Франк покачал головой. Маркус. Человек, который создал «Эребус». Человек, который знал, что всё рухнет, и улыбался. Человек, который сбежал. Человек, который бросил всех умирать. Человек, который был — трусом. Или мудрецом. Или и тем, и другим. Франк не знал. И не хотел знать.

— А велоцираптор? Тот, который сбежал на материк? Синяя самка?

Кейн помрачнел. Ещё сильнее. Ещё темнее. Его лицо осунулось.

— Его поймали. Через месяц после катастрофы. Браконьеры. Они продали его на чёрном рынке. За большие деньги. Он сейчас где-то в Азии. В частном зоопарке какого-то наркобарона. Или в подпольном бойцовском клубе, где его стравливают с тиграми. Или разобран на органы для восточной медицины. Никто не знает. Он больше не легенда. Он — товар. Мясо.

Франк закрыл глаза. Велоцираптор. Умный. Быстрый. Опасный. И теперь — товар. Как всё остальное. Как динозавры. Как люди. Как правда. Как жизнь. Как смерть. Всё имеет ценник.

— Я не буду помогать, — сказал он, открывая глаза. — Я устал. Оставь меня в покое.

— Я знаю, — сказал Кейн. Он полез во внутренний карман и положил на стол визитку. — Но ты позвонишь Саманте. И расскажешь ей. Потому что она заслуживает знать, что её ведут на убой. А дальше решай сам.

Франк встал. Не попрощался. Не заплатил за кофе, которого не заказывал. Просто вышел. В дождь. В серость. В пустоту.

Часть IV. Саманта

Он позвонил ей вечером, когда за окном окончательно стемнело, и город превратился в черную кляксу. Она ответила сразу. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто чувствовала его липкий, холодный страх через километры проводов.

— Франк? Что случилось? — её голос был теплым. Слишком теплым для этого ледяного вечера.

— Корпорация хочет взорвать остров. Через шесть дней.

Тишина. Долгая. Тягучая. Как смола. Как кровь. Как смерть. Франк слышал, как на том конце провода что-то упало. Стакан? Книга?

— Я знаю, — сказала она наконец. Голос стал жестким, стальным. — Кейн сказал мне. Я хочу поехать.

— Нет.

— Франк...

— Нет, — рявкнул он так, что сам испугался своего голоса. — Я не отпущу тебя. Мы можем снять всё с дронов. Мы можем собрать доказательства. Мы можем нанять гребанных юристов и утопить их в бумагах. Но ты не поедешь. Я запрещаю.

— Люди пройдут куда угодно, — в её голосе зазвучали умоляющие нотки, которые он ненавидел. — Дроны не всё видят. Их обманут. Нам нужна живая экспедиция. Нам нужны люди на острове, чтобы зафиксировать это лично.

— Нет.

— Франк, это единственный шанс...

— Я сказал нет! — он ударил кулаком по стене своей квартиры. Боль в костяшках отрезвила его. — Ты не понимаешь, с чем играешь! Это не парк развлечений! Это мясорубка!

Она замолчала. Он слышал её дыхание. Ровное. Спокойное. Слишком спокойное. Она не злилась. Она не обижалась. Она просто думала. Как всегда. Как человек, который знает, что делать. Как человек, который не боится. Как человек, который уже всё решила, и теперь просто тянет время, чтобы он успокоился.

— Хорошо, — сказала она. — Я не поеду.

Он выдохнул. Воздух вышел со свистом. Но что-то внутри него осталось. Что-то, что не давало покоя. Что-то, что говорило: «Она врёт». Что-то, что говорило: «Она уже собрала сумку». Что-то, что говорило: «Ты её больше не увидишь». Он не послушал. Как всегда. Как все идиоты, которые думают, что контролируют ситуацию.

Часть V. Эван

Он позвонил Эвану ночью. Тот ответил не сразу. Голос был сонным. Усталым. Мёртвым.

— Франк? Ты знаешь, сколько времени? Лора только уснула.

— Корпорация взорвёт остров. Через шесть дней.

Тишина. Потом — шорох. Тяжелый скрип кровати. Эван встал. Отошёл. Чтобы не разбудить Лору. Чтобы не услышала. Чтобы не вспомнила. Чтобы не закричала. Чтобы не умерла. Снова.

— Ты уверен? — голос Эвана стал трезвым, острым.

— Кейн Родс. Он работает на них. Он сказал.

— Кейн... Я слышал о нём. Он из тех, кто пытается всё исправить. Идеалист с корпоративным кошельком. Но у него нет власти. Он — шестеренка.

— У него есть информация. Этого достаточно, чтобы нас всех убили.

Эван молчал. Франк слышал, как он дышит. Как думает. Как борется с собой. Как вспоминает крики детей в Визитор-центре. Как хочет забыть. Как не может.

— Я поговорю с Лорой, — сказал он наконец. Голос дрогнул. — Она не захочет. Она до сих пор мочится в постель, когда ей снятся кошмары. Но я попробую.

— Спасибо.

— Не благодари. Я ещё не согласился. И Лора меня убьет.

Гудки. Франк отнял телефон. Посмотрел в стену. И понял, что не может сидеть. Не может ждать. Не может ничего. Его трясло.

Часть VI. Маркус

Он шёл из ночного магазина. С пакетом. С хлебом, который пах плесенью. С молоком. С вафлями — потому что Саманта любила вафли, и он хотел оставить их в холодильнике, как жалкую, сентиментальную попытку проявить заботу. Он думал о ней. О том, как она улыбается. О том, как она поправляет волосы. О том, как она говорит: «Не волнуйся, Франк, я просто пойду пописаю», а потом исчезает в джунглях. Он хотел купить ей что-нибудь. Что-нибудь тёплое. Что-нибудь живое. Что-нибудь, что скажет: «Я здесь. Я рядом. Я с тобой».

А потом его схватили.

Двое мужчин. Большие. Быстрые. Молчаливые. Профессиональные. Они выскочили из темного переулка, воняющего мочой и блевотой. Схватили его за руки, заломив их за спину так, что суставы хрустнули. Потасили. Он хотел закричать. Но один из них зажал ему рот ладонью в кожаной перчатке. И Франк почувствовал запах — бензин, застарелый пот, дорогая кожа. Запах смерти. Запах жизни. Запах всего, что покупается за деньги.

Его бросили на заднее сиденье машины. Большой. Чёрной. Лимузин. Он ударился о кожаное сиденье. Больно. Голова закружилась. Он хотел встать. Но не мог. Руки дрожали. Сердце колотилось. Как у кролика. Как у мыши. Как у человека, который знает, что умрёт, и просто ждет, когда пуля войдет в затылок.

А потом он увидел его.

Маркус Вейл сидел напротив. Такой же, как раньше. Невысокий. Седые волосы, зачёсанные назад. Внимательные, чуть грустные глаза хищника. Лицо, испещрённое морщинами, как высохшее дно озера. Он выглядел усталым. Но не сломленным. Он выглядел так, будто всё это время ждал. Будто всё это время готовился. Будто всё это время знал, что Франк придет к нему сам.

— Здравствуй, Франк, — сказал он. Голос был бархатным, успокаивающим. Голос создателя, смотрящего на руины своего творения.

Франк молчал. Он не мог говорить. Горло сжалось. Как будто кто-то сжал его изнутри. Как будто кто-то душил его. Как будто кто-то медленно, с наслаждением убивал его.

— Я знаю, что ты думаешь, — продолжил Маркус, наливая себе виски из хрустального графина, стоявшего между ними. — Что я — трус. Что я сбежал. Что я бросил всех вас подыхать. Это правда. Я сбежал. Я не хотел умирать. Я не хотел видеть, как всё рушится, как мои красивые цифры превращаются в мясо. Я думал, что если уйду — будет легче. Но легче не стало. Стало только громче. Кричат они, Франк. Каждую ночь.

Он помолчал. Посмотрел в окно. На дождь. На город. На жизнь. Которая шла. Без него. С ним. Назло. Вопреки.

— Я знаю про остров. Я знаю про корпорацию. Я знаю, что они хотят взорвать всё. И я знаю, что ты хочешь их остановить. Но ты не сможешь.

— Почему? — выдавил Франк. Слюна была горькой.

— Потому что они уже всё решили. Через шесть дней остров будет уничтожен. Ты ничего не изменишь. Ты — призрак, Франк. Призраки не дерутся с экскаваторами.

— Зачем ты мне это говоришь? — Франк смотрел на него с ненавистью. С желанием перегрызть ему глотку.

Маркус посмотрел на него. Внимательно. Долго. Как будто хотел запомнить. Как будто хотел попрощаться. Как будто хотел сказать что-то важное. Но не сказал.

— Я хочу, чтобы ты знал. Чтобы ты не винил себя. Чтобы ты жил дальше. Остров — это моя ошибка. Не твоя. Я создал его. Я должен был его уничтожить еще тогда, когда понял, что формула нестабильна. Но я не смог. Я жадный ублюдок. Теперь это сделают другие. И это правильно. Это милосердно.

Франк смотрел на него. И чувствовал, как что-то внутри него ломается. Что-то, что держало его. Что-то, что давало силы ненавидеть. Что-то, что было — надеждой. Или верой. Или любовью. Или всем сразу. Оно хрустнуло и осыпалось пеплом.

— Ты знаешь, что они хотят убить динозавров? — тихо спросил он.

— Знаю.

— И тебе всё равно?

— Нет, — Маркус сделал глоток. — Но я не могу ничего сделать. Я никто. Я просто старик, который живет с грузом ошибок и миллиардами на счету, которые жгут карман. Я не герой. Я никогда им не был. И тебе не советую.

Он замолчал. Потом добавил, глядя прямо в глаза Франку:

— Удачи, Франк. Тебе она понадобится. Хотя мертвым удача ни к чему.

Дверь лимузина открылась. Франка вытолкнули наружу. Он упал на мокрый, грязный асфальт. Больно. Мокро. Грязно. Машина уехала, обдав его вонью выхлопных газов. Он остался один. С пакетом. С черствым хлебом. С молоком. С вафлями. С жизнью. Которая продолжалась. Назло. Вопреки. Как всегда.

Часть VII. Бар

Он не помнил, как оказался в баре. «Хромая лошадь». Подвал, пропитанный никотином, отчаянием и дешевым пойлом. Он не помнил, как заказал виски. Двойной. Без льда. Он не помнил, как выпил первый стакан. Второй. Третий. Жидкость обжигала пищевод, но не грела. Он просто сидел. Смотрел в стену, на которой кто-то выцарапал ножом голую женщину. И пил. Пил, чтобы забыть. Пил, чтобы не думать. Пил, чтобы не чувствовать. Пил, чтобы умереть. Но не умер. Как всегда. Как все. Его организм был предательски живуч.

Телефон зазвонил. Эван.

— Я поговорил с Лорой, — голос Эвана был глухим, он явно прикрывал трубку рукой. — Она не хочет. Она рыдает. Но я уговорю. Я сказал ей, что если мы не поедem, то будем жалеть об этом до конца жизни. Мы полетим. Втроём. Я, ты и она.

— Не надо, — сказал Франк. Голос был хриплым. Пьяным. Мёртвым. — Не лезь в это.

— Что? Франк, ты пьян? Соберись!

— Не надо. Никто не летит. Динозавры взлетят на воздух. Через шесть дней. Всё. Конец фильма. Занавес.

— Франк, ты пьян?

— Я устал, Эван. Я больше не могу. Я не хочу спасти мир. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я хочу сдохнуть.

— Франк...

— Прости, — он сбросил вызов. Не просто нажал отбой, а с силой вдавил кнопку, словно хотел разбить экран.

Допил виски. Встал. Вышел. Пошёл домой. Ноги заплетались. Голова кружилась. Дождь бил по лицу. Холодный. Мокрый. Живой. Он дошел до дома. Поднялся на пятый этаж, цепляясь за перила. Открыл дверь. Вошел. Не включил свет. Не посмотрел, есть ли кто-то дома. Просто упал на диван. И заснул. Как убитый. Как мёртвый. Как все.

Часть VIII. Записка

Утро встретило его головной болью, которая пульсировала в такт дождю. Сухостью во рту, словно он жевал песок. И тишиной. Слишком тихой. Он открыл глаза. Посмотрел в потолок. Потом встал. Суставы не слушались. Пошёл на кухню, чтобы выпить воды. И увидел, что никого нет.

— Саманта? — позвал он. Голос эхом отразился от голых стен. Никто не ответил.

Он посмотрел в её комнату. Пусто. Кровать заправлена с армейской, пугающей аккуратностью. Вещи на месте. Но её не было. Он взял телефон. Позвонил. Гудки. Долгие. Тягучие. Потом — холодный, электронный голос: «абонент недоступен».

Он пошёл на кухню. Открыл холодильник. Достал бутылку воды. И увидел записку. На листке бумаги, вырванном из блокнота. Приклеенном скотчем к дверце.

«Я улетела на остров. С командой Кейна. Не волнуйся, я в полной безопасности, у меня есть пистолет. Вафли в холодильнике, я их не трогала. P.S. Сэм.»

Он смотрел на записку. Долго. Не двигаясь. Секунды тянулись, как часы. Потом сжал её в кулаке. Бумага смялась, порезав кожу. И почувствовал, как что-то внутри него рвётся. Что-то, что он так долго пытался удержать плотиной. Плотину прорвало. Ярость. Страх. Бессилие. Всё смешалось. Всё стало одним. Всё стало смертью.

Он схватил телефон. Пальцы не слушались. Позвонил Эвану.

— Она улетела. На остров. Одна.

— Что?! — крик Эвана ударил по перепонкам.

— Кейн. Он отправил её одну. Завтра прилетят остальные. Трое. Наёмники. Но она уже там. Одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.